

— Очень жаль, что я не уберег тебя и ты пострадал.

Цзинь Юйтин погладил Ши Циня по голове, и выражение его лица можно было назвать лишь мягким. Ши Цинь, чувствуя вину, не осмеливался поднять на него взгляд, что Цзинь Юйтин принял за признак неуверенности в себе.

Цзинь Юйтин принялся слой за слоем разбирать принесенный с собой ланч-бокс и тихо произнес:

— Ничего страшного, если пока не можешь вспомнить. Я рядом, Циньцин, не бойся. Проголодался? Сначала выпей немного супа, чтобы заморить червячка.

Ши Цинь взял ложку и попробовал суп. Вкус был превосходным — сразу чувствовался почерк Цзинь Юйтина. Однако на душе у него было совсем не радостно. Это лишь подтверждало, что слова Цзинь Юйтина о командировке были ложью. Мало того, что он примчался так быстро, откуда бы у него взялось время на приготовление супа?

Обида в сердце Ши Циня стала еще сильнее. Он поджал губы и лишь спустя долгое время проговорил:

— Спасибо.

— Ну зачем ты так официально? — Цзинь Юйтин сел рядом с Ши Цинем и тяжело вздохнул. — Это я виноват, мне следовало быть с тобой.

— Разве ты не был со мной? — Ши Цинь широко распахнул свои невинные глаза и прямо спросил: — Ты сейчас себя винишь?

— Да, виню.

Цзинь Юйтин признался в этом, и атмосфера в палате стала еще более странной. Ши Цинь хотел что-то сказать, но не знал, что именно будет уместно. У него были свои тайные цели, и он боялся, что любая неосторожная фраза выдаст его, поэтому предпочел просто опустить голову и послушно пить суп.

Он молчал, зато обычно немногословный Цзинь Юйтин разговорился. Возможно, он чувствовал, что потерявший память Ши Цинь стал уязвимым, а может, просто следовал совету врача заботиться о настроении пациента, опасаясь, что тот чувствует себя незащищенным.

Цзинь Юйтин начал рассказывать о них двоих. Он говорил просто, в основном о повседневных вещах: представился, рассказал, сколько ему лет, чем занимается, сколько человек в семье — чуть было не продиктовал Ши Циню номер своего удостоверения личности.

— Мы поженились три года назад. После свадьбы жили отдельно от родителей, вдвоем, и у нас были очень хорошие отношения, — Цзинь Юйтин задумался и добавил: — Помнишь, где наш дом?

Ши Цинь впервые притворялся, что потерял память, опыта у него не было, разве что в сериалах видел, как герои забывали только своих возлюбленных, а остальное помнили в деталях. Если бы это случилось с ним самим, подумал Ши Цинь, он предпочел бы забыть весь мир, но только не Цзинь Юйтина.

Если бы сейчас он не помнил Цзинь Юйтина, то наверняка не помнил бы и всего остального мира. Поэтому он решительно покачал головой. Раз уж начал притворяться — нужно идти до конца!

— В Шэнхэ Юань, рядом с твоим университетом, четвертый корпус, третий подъезд, квартира одиннадцать, — Цзинь Юйтин, чем больше думал, тем больше находил мелочей, о которых нужно было рассказать. — А еще твой телефон, я его принес.

Цзинь Юйтин разблокировал телефон, нашел в контактах свой номер, посмотрел на надпись Юйтин, тонкие губы его сжались, и он без колебаний изменил имя в записках. Возвращая телефон Ши Циню, он указал на номер, подписанный как Муж, и сказал:

— Это мой номер. Обязательно запомни, если что-то случится, первым делом звони мне, понял?

Ши Цинь посмотрел на измененную подпись, и почему-то у него загорелись уши. А когда он вспомнил, что Цзинь Юйтин сам изменил это имя, стало еще более неловко. Он тихо пробормотал «угу», соглашаясь, а затем поднял взгляд на Цзинь Юйтина:

— Звонить можно в любое время? Я не буду тебя отвлекать?

— Нет, не говори так. Ты сейчас болен, если возникнут проблемы, обязательно связывайся со мной, иначе я буду волноваться.

Ши Цинь смотрел на Цзинь Юйтина и видел в его глазах искреннюю заботу. Взгляд был таким нежным, что хотелось заплакать. Цзинь Юйтин был таким — настолько хорошим, что Ши Цинь невольно попал в ловушку, погрузился в тепло, которое тот дарил, и начал испытывать жадность, остановиться было невозможно.

У него защемило в носу. Он не смел больше смотреть на Цзинь Юйтина, чувствуя отвращение к самому себе из-за этого обмана. Цзинь Юйтин так добр к нему — даже если это лишь фиктивный брак, он дал ему дом. А он, не желая отказываться от тепла, которое дарил Цзинь Юйтин, пошел на такой подлый поступок.

Чувство вины душило его, он еще ниже опустил голову.

— Что такое? Аппетита нет? — Цзинь Юйтин заметил подавленное состояние Ши Циня. Такое настроение можно было исправить лишь терпением. В глазах Цзинь Юйтина Ши Цинь сейчас был как хрупкий младенец, для которого все вокруг чужое, и чем больше он чувствовал себя незащищенным, тем больше заботы ему требовалось. — Не хочешь — не ешь. Вечером приготовлю тебе твой любимый суп из снежного гриба, хорошо?

С безграничным терпением он успокаивал Ши Циня, боясь, что тот испытает хоть малейший дискомфорт.

Когда Ши Циня привезли в больницу, у него была высокая температура и разбита голова. После того как жар спал, он два дня пролежал под наблюдением, и, убедившись, что все в порядке, врач разрешил выписаться домой.

— Потеря памяти — процесс постепенный. Возвращайтесь домой, отдыхайте, раз в неделю приходите на осмотр, — сказал врач, отдавая Цзинь Юйтину выписку. — Родственникам в это время придется нелегко. При возможности водите его в знакомые места, может, что-нибудь и вспомнит.

Цзинь Юйтин оформил все документы, левой рукой взял вещи Ши Циня, а правой совершенно естественно взял его за запястье.

Ши Цинь почувствовал жар в месте прикосновения и не успел опомниться, как Цзинь Юйтин уже вывел его из больницы. Он шел, ведомый Цзинь Юйтином, словно маленький ребенок, и это было странное чувство.

К тому же, Цзинь Юйтин сам взял его за руку. За три года их брака, хотя они и ладили, между ними не было никаких интимных жестов. Нет, слово интимный здесь вообще не подходит. Они были просто сожителями под одной крышей, носили статус законных супругов, но вели себя крайне сдержанно. Не то что физический контакт — казалось, он ни разу не видел Цзинь Юйтина дома в небрежном виде.

Если не задумываться, то и ладно, но стоило присмотреться, как становилось понятно: их модель общения была даже более консервативной, чем у людей, строго соблюдающих границы между мужчиной и женщиной.

А теперь, когда он потерял память, Цзинь Юйтин вдруг сам взял его за руку. Это было так тонко и неоднозначно, словно Цзинь Юйтин хотел воспользоваться тем, что он ничего не помнит. Впрочем, если он хочет воспользоваться этим чуть больше — Ши Цинь был не против.

По дороге домой Цзинь Юйтин с огромным терпением рассказывал: вот эта улица, вот этот поворот, куда ведет эта дорога, в какой стороне его офис, и прочую информацию, которая, возможно, была бесполезна. Он и сам это понимал, но, закончив, не забыл добавить:

— Если заблудишься, ни в коем случае не бегай наугад. Скинь мне геопозицию, я приеду и заберу тебя.

Ши Цинь, сидя на пассажирском сиденье, послушно кивнул.

— Приложи палец, — Цзинь Юйтин открыл дверь, завел Ши Циня внутрь, поставил багаж у входа, но руку не отпустил. — Сначала покажу тебе дом.

— Квартира небольшая, ты сам говорил, что хочешь уюта, не любишь пустые пространства, — Цзинь Юйтин водил его по комнатам. — Слева от гостиной — кухня, в холодильнике, на второй полке, лежит твой любимый шоколад.

— Шоколад? — он прекрасно помнил, что шоколад давно закончился. Откуда ему взяться на второй полке?

Видимо, его недоумение было слишком заметным, потому что Цзинь Юйтин сам открыл холодильник, достал шоколад и положил плитку в ладонь Ши Циня:

— Но много не ешь, для зубов вредно.

Спрятал-то как хорошо — под пакетом, плотно прижал, чтобы такой человек, как Ши Цинь, который на кухню заходит раз в год, точно не нашел.

Шоколад был холодным, только из холодильника. Ши Цинь развернул обертку, съел кусочек и, надув щеки, уставился на Цзинь Юйтину с таким видом, будто просил еще.

Цзинь Юйтин: ...Только что сказал, и уже не помнит?

Этот взгляд, похожий на взгляд маленького хомячка, смягчил сердце Цзинь Юйтину:

— Еще одна, и всё.

Получив еще кусочек, Ши Цинь просиял:

— Спасибо, братец.

— Как, как ты меня назвал?

Выражение лица Цзинь Юйтину стало странным, он чуть сильнее сжал запястье Ши Циня. Тот распахнул невинные глаза:

— А как нужно было?

У него было много вариантов обращения к Цзинь Юйтину: поначалу, когда они не были близки, он называл его Цзинь-гэ, потом, когда стали ближе, перешел на имя и фамилию, а позже — просто Юйтин. Сейчас он специально решил сменить обращение. Не ожидал, что Цзинь Юйтин так отреагирует. Разве обращение братец не звучит более ласково?

— Ничего, я просто думал, ты забыл, — Цзинь Юйтин улыбнулся и взъерошил волосы Ши Циня. — Ты раньше всегда так меня называл. Последние пару дней не слышал, думал, даже прежние обращения стерлись из памяти. Оказывается, помнишь, это хорошо.

Ши Цинь: ??? Что-то тут не так. Какие прежние обращения? Он никогда раньше его так не называл!

— Здесь кабинет и спальня.

Ши Цинь машинально остановился у двери своей комнаты. Он еще не успел сделать шаг, как услышал:

— Это кладовка, там всякий хлам, внутри беспорядок, так что не будем смотреть. Пойдем сначала в спальню или в кабинет?

Ши Цинь машинально ответил:

— В спальню, пожалуй.

Ему не терпелось узнать: если его спальня превратилась в кладовку, то где же он теперь должен спать?

— Хорошо, — Цзинь Юйтин посмотрел на него с легким снисхождением и открыл дверь другой спальни.

Ши Цинь: !!! Цзинь Юйтин украл мое одеяло!!!

И не только одеяло. Ши Цинь обнаружил, что многие вещи из его комнаты Цзинь Юйтин перенес сюда в целости и сохранности: начиная от любимого кресла-мешка и заканчивая безделушками на столе. Даже рулон туалетной бумаги на прикроватной тумбочке был тем самым, начатым.

Это что, настолько старательно разыгрываемый спектакль?

Бойтса, что не сможет объяснить ему, пациенту с амнезией, почему они, будучи в законном браке три года, до сих пор спали в разных комнатах, и поэтому так все обставил?

Если так, то значит ли это, что ночью ему придется спать вместе с Цзинь Юйтином?

<http://bllate.org/book/19084/1874170>